

УДК 82-9+76.02

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-2\(3\)-21-40](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-2(3)-21-40)

КОМИЧЕСКОЕ В МАНГЕ ОСАМУ ТЭДЗУКИ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В СВЕТЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Ольга Ванюшкина,

Новгородский
государственный
университет
им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород,
Россия)

Olga Vanyushkina

Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University
(Novgorod, Russia)

ORCID: 0000-0003-1353-1356
e-mail: oev_novsu@mail.ru

Для цитирования статьи:

Ванюшкина, О. Е. (2023). Комическое в манге Осаму Тэдзуки «Преступление и наказание» в свете массовой культуры. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 2(3), 21-40. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-2\(3\)-21-40](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-2(3)-21-40)

Аннотация: манга Осаму Тэдзуки является адаптацией романа Ф. Достоевского «Преступление и наказание» для японских школьников и студентов и имеет ряд характерных для такого произведения признаков. Также манге присущи определенные особенности, которые позволяют ей выделиться среди множества аналогичных графических романов по мотивам

произведений Ф. Достоевского. Таким отличием является усиление комического начала: некоторые драматические сцены романа серьезно переработаны и представлены в манге исключительно в комическом ключе, что противоречит их исходному драматизму в первоисточнике. В настоящей работе предлагается версия обоснования необходимости подобной интерпретации романа и рассматриваются результаты усиления комического начала. Сравнительный анализ комического в двух версиях романа позволяет также сделать определенные выводы о специфике межкультурной коммуникации, возникшей в результате адаптации классического литературного произведения и оказывающей влияние на мировую культуру в настоящее время.

Ключевые слова: «Преступление и наказание», манга, комическое, адаптация, межкультурная коммуникация, интерпретация текста.

В современном мире манга является одним из самых распространенных видов визуального искусства. По мнению, Е. Е. Богацкого, она не только выполняет коммуникативную функцию, являясь языком познания мира и выражения японской культуры, но и становится одним из узнаваемых и наиболее востребованных продуктов массовой культуры [Богацкий 2013]. Манга составляет весомую долю печатной продукции в Японии и уже приобрела широкую популярность в современной мировой культуре.

«Иллюстрацией теории о том, что медиа – это товар, предназначенный для определенной аудитории, является тот факт, что в индустрии манга стремление попасть именно к «своим» читателям началось с середины прошлого века» [Проханов 2012: 18]. Одной из отличительных особенностей классической манги является «глубоко проработанная адресная и тематическая дифференцированность: для девочек, для мальчиков определённого возраста, для взрослых, военные, любовные, эротические и т.д.» [Кубасов 2021: 165]. По мнению Д. М. Проханова,

Осаму Тэдзука является одним из основоположников такого разделения манги по половому признаку и возрасту аудитории, для которой она была предназначена [Проханов 2012]. Разделение было привязано к годам школьного обучения. Манга Осаму Тэдзуки «Преступление и наказание» классифицируется как сёнен-манга – ее целевой аудиторией изначально являлись юноши 12-18 лет.

Исследователи неоднократно обращали внимание на роль комического в произведениях Достоевского (так, например, в работах С. А. Мухиной и И. И. Лапшина можно найти обзор исследований по данной теме) [Мухина 2011; Лапшин 1986]. По мнению М. М. Бахтина, комическое непременно присутствует в творчестве Достоевского, так как оно является оборотной стороной трагического, но смеховое начало сильнее выражено в более ранних произведениях писателя, а «в последующих больших романах Достоевского смех редуцируется почти до минимума (особенно в "Преступлении и наказании")» [Бахтин 2002: 98]. Тем не менее комическое в этом романе есть. И манга как адаптированный вариант романа Достоевского лишь значительно усилила и подчеркнула эту сторону великого произведения, представив в новом свете характерные особенности знаменитого романа.

Наша гипотеза заключается в том, что присущее роману Ф. М. Достоевского комическое начало сознательно усилено в манге Осаму Тэдзуки «Преступление и наказание» по двум причинам. Во-первых, одной из особенностей японского

мировоззрения является сознательное избегание слишком трагических переживаний. Во-вторых, принадлежность данного произведения японского мангаки к сёнен-манге обусловила дополнительные особенности – издание было ориентировано на конкретную возрастную аудиторию.

Мы проследим, каким образом усиление комического начала позволяет решить вопрос возрастной адаптации романа, и при этом все-таки сохраняются важные сюжетные линии романа Достоевского. А также посмотрим, как это произведение влияет на интерпретацию визуализированной адаптации романа и его первоисточника.

Обратимся к конкретным примерам из манги «Преступление и наказание» Осаму Тэдзуки.

В одном из эпизодов мы видим практически сказочное обыгрывание ситуации, очень напоминающее мультипликацию: мыши играют драгоценностями, наряжаются в них и даже благодарят героя за подарок (рис. 1). Совершенно очевидно, что им очень нравится полученное сокровище! Но в оригинальном тексте романа «Преступление и наказание» такой сцены с мышами нет, хотя общая обстановка каморки, в которой жил Родион Раскольников, позволяет предположить, что мыши в ней вполне могли быть. Но едва ли бы они игриво примеряли драгоценности и разговаривали бы с хозяином каморки.

Драматическая сцена, когда Раскольников в горячечном бреду прячет и вновь перепрятывает украденные сокровища в своей каморке, оказывается исполненной комизма в

произведении-адаптации. На наш взгляд, Осаму Тэдзуке удалось не только тонко подметить комичность данного эпизода (что совершенно неочевидно при обращении к оригиналу романа), но и прекрасно его обыграть, сделав поправку на читательскую аудиторию, для которой предназначалась его манга.

Рис. 1. Мыши радуются сокровищам, украденным Раскольниковым [Тэдзука 2012].

«Комическое отличается от общих представлений о смехе как эстетическое явление, обладающее упорядоченной организацией, предполагающее использование специальных приемов и средств для достижения смехового эффекта»

[Понкратова 2011: 20]. Осаму Тэдзука использует приемы кинематографа и мультипликации, активно апеллируя ко всемирно известным произведениям массовой культуры. «Именно Тэдзука разработал язык визуальных клише и способы упрощения рисунка, чтобы быстро и эффективно доносить смысл комиксов в условиях массового производства» [Магера 2021: 103]. И в своих графических адаптациях классики он использует хорошо известные образы и символы массового искусства. Тэдзука «добавляет в сцену танцующих мышей с награбленным, которых не могло быть в романе, но которые уместно смотрелись бы в комиксе или анимации» [Магера 2021: 110]. Почему мыши? Это явная отсылка к образу всемирно известного мышонка из анимационных фильмов Уолта Диснея – Микки Маусу. Мыши ведут себя, как и положено мультяшным героям: они пародируют людей! Это отчасти снимает психологическое напряжение, присущее данному эпизоду, за счет явного акцента на комическом эффекте.

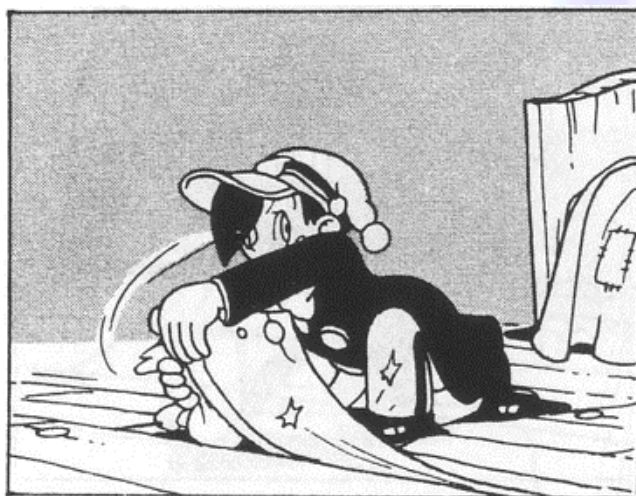
Конечно же, абсурдность ситуации очень ярко показана Достоевским, хотя в романе-первоисточнике этот эпизод не носит столь ярко выраженного комизма. Данный прием позволяет смягчить драматический накал ситуации и одновременно передать весь замысел Достоевского, повествующего о том, до какого абсурда дошел Раскольников в попытках спрятать сокровища, находясь в столь болезненном состоянии. И когда мы рассматриваем эти рисунки, то чувствуем весь ужас героя и тем не менее – смеемся, потому что комическое в этом случае

выступает на первый план, ослабляя драматизм ситуации и снижая эмоциональное напряжение.

Здесь будет уместно вспомнить, что у комического есть и обратная сторона. И в этом случае мышей, примеряющих украшения и говорящих с героем, можно трактовать как бред, следствие болезни и психологического напряжения героя. Получается, снижая трагизм ситуации, адаптируя произведение в другой вид искусства, трансформируя его под определённую культуру и возрастную аудиторию, талантливый мангака оставляет важный для понимания романа смысл для тех читателей, которые уже готовы его воспринять, правильно интерпретировать катарсическую функцию смеха.

Рассмотренный пример – один из самых ярких и выразительных, на наш взгляд, но далеко не единственный.

Использование приемов мультипликации в передаче действий героя также дает комический эффект. Так, например, полна комизма сцена, где Раскольников пытается спрятать украденное под половицу (рис. 2).

Рис. 2. Раскольников прячет украденное добро под половицей [Тэдзука 2012].

Эта попытка превращается в интермедию (рис. 3).

Рис. 3. Борьба с доской [Тэдзука 2012].

Герой пытается спрятать под доской в полу украденное, отходит от этого места – но не прибитая доска приподнимается с одного конца. Раскольников пытается прижать неплотно подогнанный конец, но в результате уже поднимается другая сторона доски. Он прыгает сильнее – итог закономерен: доска переворачивается, все украденное оказывается на виду, а герой проваливается в дыру, образовавшуюся в полу. Это типичная ситуация из мультфильмов, которая показывает подобные же стремительнее действия по прилаживанию доски, давление на один конец которой неизбежно должно вести к тому, что поднимется противоположный конец. И чем активнее усилия действующего персонажа, тем большая неудача в итоге его ждет. В результате возникает необходимый комический эффект.

Быстрая смена картинок-кадров позволяет проследить данный эпизод в манге как ожившую мультипликационную картинку. Этому способствуют и графические приемы: звездочки для передачи состояния «искры из глаз», штрихи, обозначающие «летающую» доску, молниеносные передвижения героя, его оглушенность, наконец. Нарастание комического эффекта снижает психологическую напряжённость, положительное и отрицательное меняются местами, и вместо сочувствия мы начинаем смеяться. Дополнительно комичность ситуации подчеркивает вербальное сопровождение – картинка начинает «звучать», когда два-три слова дополняют картину *ЗВУКОВЫМ* сопровождением (имитирующим соответствующие звуки). В итоге мы как будто просматриваем короткий анимационный фильм, что

способствует – уже на более высоком, вторичном уровне восприятия произведения, – осознанию динамичности сюжета. А это, в свою очередь, уже позволяет говорить об адекватности интерпретации замысла автора.

Отметим еще несколько приемов, усиливающих комическое в визуальной адаптации романа Ф. М. Достоевского. Из первоисточника мы знаем, что попытки спрятать украденные у старухи-процентщицы «сокровища» являются важными для понимания произведения и характеризуются очень сильным психологическим напряжением. Герой без конца перепрятывает улики, пытается их скрыть, чем создает еще больший хаос. И в манге герой также прячет и перепрятывает. Но Осаму Тэдзука, как мы уже убедились, показывает нам этот многократно повторяющийся процесс уже с комической стороны. Вот еще пример, который в общем ряду служит усилению комического начала в рассматриваемом эпизоде.

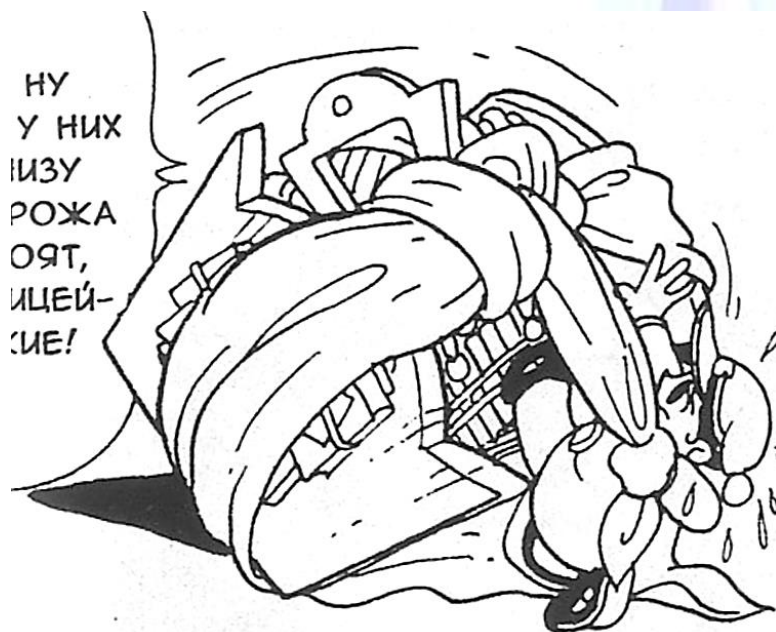

Рис. 4. Узелок с кроватью [Тэдзука 2012].

Раскольников в своей стремлении спрятать понадежнее всё завязывает в узел и кровать (рис. 4). Разлетающиеся капельки пота и неестественная поза персонажа (тянет одной рукой конец материи, затягивая узел, другой рукой и ногой пытается придержать, вторая нога полусогнута – герой приседает от усилий и непомерной тяжести работы), а также штрихи над кроватью, передающие движение, словно оживляющие картинку, снова играют на усиление динамичности сюжета. Но завернуть в узел и пытаться утащить кровать в принципе невозможно. Таким образом, мы видим явное преувеличение, гротеск, используемый для усиления комического эффекта данной сцены. Абсурдность ситуации (завернул в узел кровать) и отлично визуализированные усилия героя опять вызывают смех, нивелируя драматизм ситуации. Осаму Тэдзуке удастся в очередной раз передать все это читателям с помощью одного рисунка-кадра за счет использования определённой техники рисования и, как мы уже сказали, одной-единственной абсурдной детали (кровать в узелке).

Комические черты присутствуют и в образе главного героя. Мы видим их сразу же при первом «знакомстве», хотя данные черты не обладают выраженной нарочитой гипертрофированностью (рис. 5).

В создании визуального образа героя Осаму Тэдзуки использует приемы и узнаваемые предметы-символы из анимации и кинематографа, взятые из общемирового культурного контекста. Трагичность образа снижена

искусственно, для чего применяется нарочито мультипликационное изображение.

Рис. 5. Знакомство с главным героем [Тэдзука 2012].

Образ Раскольников в исполнении Осаму Тэдзуки навевает отдаленные ассоциации с образом клоуна, Чарли Чаплина и диснеевским Микки Маусом – всех их объединяет наличие огромных клоунских башмаков (рис. 6). В скобках заметим, что мы берем не любых диснеевских анимационных персонажей, носящих также огромные ботинки, а только Микки-Мауса, так как аллюзия на этого персонажа концептуально поддержана появлением мышей на страницах манги (см. рис. 1), манера изображения которых также перекликается с традицией изображения известного диснеевского мышонка.

Клоунские ботинки являются символической деталью, дополняющей комический образ названных персонажей. При первом взгляде на главного героя манги Осаму Тэдзуку «Преступление и наказание» такие ботинки, в сочетании с широким низом и зауженным верхом (рис. 5), вызывают определенные культурные ассоциации (рис. 6 а, б, в), что

способствует возникновению пока еще неярко выраженного комического эффекта. Образ дополняется забавным помпоном на немислимом

а)

б)

в)

Рис. 6. Персонажи мировой культуры в клоунских башимаках. Изображения размещены в свободном доступе на платформах:

<https://pixy.org/src/103/1032313.jpg>

<https://goo.su/tAayr2>

<https://goo.su/9OtEW7>

головном уборе героя – то ли фуражка, то ли колпак (ночной? шутовской? – также сразу же возникают определенные культурные аллюзии). И окончательно серьезность образа разбивается манерой изображения лица героя, его глаз – Тэдзука использует прием рисования героев в анимации – круглое детское личико, курносый нос, огромные глаза.

В работах других исследователей манги мы встречаем подтверждение своей точки зрения: «Своеобразной общепризнанной «классикой» аниме-образа считаются «большие глаза» персонажей, точнее зрачки» [Мартыненко 2021: 89]. Или вот еще: «Одна из самых распространенных претензий к японской анимации – визуальная стилистика произведений, где первое

место занимают большие глаза. Однако немногие знают, что эффект больших глаз пришел в Японию из Америки на волне популярности мультфильмов компании Disney. М. О. Тэдзука, считающийся основателем современной японской манги, некоторые художественные приемы перенял у вдохновлявшего его У. Диснея, в том числе и «больше глаза» [Ищенко 2016: 307]. Объединяющим образом здесь является, на наш взгляд, образ Чарли Чаплина. «И хотя ни сами ботинки, штаны или трость не были неожиданностью в комическом гардеробе эпохи, <...> только у Чаплина они стали немедленно распознаваемым индексом» [Майзель 2016: 58]. И это придает дополнительные оттенки смысла к процессу интерпретации образа Раскольников в японской адаптации произведения русского классика, что очень важно (подробно мы не будем останавливаться на этом в рамках настоящей работы, чтобы не отклоняться от основной темы нашего исследования).

Итак, мы рассмотрели ряд примеров, иллюстрирующих усиление комического начала в манге, являющейся адаптацией романа Ф. М. Достоевского.

Для чего Осаму Тэдзуке понадобилось так усиливать комическое начало? Известно, что комическое обладает «катарсическим пафосом» и одновременно реализует прием остранения [Шипицына 2013: 48]. Также важную роль сыграла и японская многовековая культура, которая проявилась в определённой связи манги с традиционным театром Но: «Композиция постановок театра Но схожа с композицией манга.

Составной и обособленной частью действия Но являются представления кёгэн, развлекательные интермедии комического характера, восходящие к старинной китайской клоунаде. Смысл представлений кёгэн заключается в снятии у зрителей излишнего эмоционального напряжения в перерывах между «серьезными» действиями представления (Эренгросс). Точно так и в манга» [Ефименко 2013: 69]. Обратим внимание на замкнувшийся круг – мы видим упоминание о клоунаде. Главной же для нас в приведенной цитате является мысль о снятии излишнего эмоционального напряжения. Комическое уравнивает драматизм, дает разрядку и позволяет более спокойно переживать воздействие произведения искусства на человека. А равновесие и спокойствие высоко ценятся в японской культуре.

Приведенные примеры позволяют нам сделать вывод, что в манге Осаму Тэдзуки «Преступление и наказание», являющейся специфической графической адаптацией одноименного романа Ф. М. Достоевского, комическое начало значительно усилено. Это объясняется спецификой данного вида манги – сёнен, а также особенностями японского менталитета и культурными традициями, призванными снижать эмоциональный накал благодаря уравниванию трагического комическим. Для усиления комического начала знаменитый мангака не только использует обычные для японского искусства приемы визуализации, но также и вносит в произведение совершенно новые аллюзии на межкультурные символы и образы. Это, в свою очередь, позволяет представить рассматриваемую графическую адаптацию мировой

классики как репрезентацию особой трактовки «Преступления и наказания» Достоевского в японской культуре. Интересно, что и в российской культуре манга Осаму Тэдзуки неожиданно получает новое значение, так как она не только приобщает российских читателей к некоторым особенностям японского мировоззрения и традиций, но и дает возможность заново взглянуть на сам первоисточник – произведение Ф. М. Достоевского. Это происходит благодаря эффекту остранения, который неизбежно должен возникать у любого человека, способного увидеть, насколько широки границы культурного межнационального контекста романа-адаптации. В то же время манга позволяет глубже понять комическое начало, поскольку в романе-первоисточнике – оно запрятано достаточно глубоко, и не каждый читатель может его воспринять при обычном прочтении книги. Дополнительные аллюзии могут способствовать более глубокой интерпретации текста Достоевского.

Таким образом, манга Осаму Тэдзуки «Преступление и наказание», на первый взгляд упрощенная, с нивелированной в значительной мере эмоционально-психологической составляющей, становится знаковым явлением не только для японской культуры, но также для российской и многих других, потому что, несмотря на кажущуюся простоту, она оказывается насквозь пронизанной знаковыми символами и образами мировой культуры.

Литература

- Богацкий, Е. Е. (2013). Манга – сегмент современной японской массовой культуры. *Вестник МГУП имени Ивана Федорова*, 7, 188–194.
- Ефименко, А. И. (2013). Японское визуальное искусство манга и современный читатель. *Книга в современном мире: Материалы международной научной конференции, Воронеж, 26–28 февраля 2013 года* [стр. 64–72]. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС.
- Ищенко, Е. А., & Павлов, А. Ю. (2016). Вся правда про японское аниме, которую вы не знали и не решались спросить. *Молодёжь третьего тысячелетия: Сборник научных статей, Омск, 08–30 апреля 2016 года* [стр. 306–308]. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.
- Кубасов, А. В., & Михайлова, О. А. (2021). «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского как креолизованный текст (манга Осамы Тэдзуки). *Культура и текст*, 4(47), 164–177. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-4-164-177>
- Лапшин, И. И. (1986). Комическое в произведениях Достоевского. В книге: Бема А. Л. (ред.) *О Достоевском: Сб. статей* [стр. 103–120]. Париж: AmgaEditions.
- Магера, Ю. А. (2021). Литературная классика в японской манге: комиксы Тэдзука Осаму. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, 9, 100–115. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2021-9-100-115>
- Майзель, В. С. (2016). Чаплин: эффект Чарли. В книге: Евменов А. Д. (ред.). *Актуальные вопросы развития индустрии кино и телевидения в современной России: сборник научных трудов, посвященный Году российского кино. В 2 частях* [стр. 57–64]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения.
- Мартыненко, А. В. (2021). Особенности реализации визуальных образов в аниме. *Симбирский научный вестник*, 44(2), 86–91.
- Мухина, С. А. (2011). Комическое начало в творчестве Ф. М. Достоевского в оценке отечественного литературоведения. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, 5, 138–143.
- Понкратова, Е. М. (2011). Смех и комическое в творчестве Ф. М. Достоевского: о некоторых особенностях эстетики писателя. *Вестник Томского государственного университета*, 349, 19–22.
- Проханов, Д. М. (2012). Индустрия издания манга. *Медиаскоп*, 4. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1225> (дата обращения: 08.02.2023).
- Тэдзука, О. (2012). *Преступление и наказание*. Екатеринбург: Фабрика комиксов.
- Шипицына, А. А. (2013). Негативная эстетика комического: особенности комического катарсиса. *Vita Cogitans: Альманах молодых философов*, 8, 46–50.

Информация об авторе

Ванюшкина Ольга Евгеньевна – кандидат филологических наук, начальник отдела мониторинга и индексирования ЦРПА, ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41), ORCID: 0000-0003-1353-1356, oev_novsu@mail.ru

THE COMIC IN THE MANGA BY OSAMU TEZUKI "CRIME AND PUNISHMENT" IN THE LIGHT OF POPULAR CULTURE

Olga Vanyushkina

Abstract: Osamu Tezuka's manga is a graphic adaptation of F. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" for Japanese schoolchildren and students. It has a number of characteristic features for such a work. But it also has certain features that allow it to stand out among many similar graphic novels based on the works of F. Dostoevsky. For example, the amplification of the comic beginning: some dramatic scenes of the novel are reworked and presented in the manga exclusively in a comic vision, which contradicts the dramatic nature of the corresponding scenes in the original source material. This paper proposes a version of the justification for the need for such an interpretation of the novel and examines the results of strengthening the comic principle. A comparative analysis of the comic in the two versions of the novel also allows us to draw certain conclusions about the specifics of intercultural communication that arose as a result of the adaptation of a classical literary work and has an impact on world culture at the present time.

Keywords: "Crime and Punishment", manga, comic, adaptation, cross-cultural communication, interpretation of a text.

References

- Bakhtin, M. M. (2002). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Ausburg Publ. (In Russ).
- Bogatskii, E. E. (2013). Manga – segment sovremennoi iaponskoi massovoi kul'tury [Manga is a segment of modern Japanese popular culture]. *Vestnik MGUP imeni Ivana Fedorova* [Bulletin of the Moscow State Unitary Enterprise named after Ivan Fedorov], 7, 188–194. (In Russ).
- Efimenko, A. I. (2013). Iaponskoe vizual'noe iskusstvo manga i sovremennyi chitatel' [Japanese visual art manga and modern reader]. *Kniga v sovremennom mire: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Voronezh, 26–28 fevralia 2013 goda* [The Book in the Modern World: Proceedings of the International Scientific Conference, Voronezh, February 26–28, 2013] [pp. 64–72]. Voronezh: Nauka-luniPress. (In Russ).

- Ishchenko, E. A., & Pavlov, A. Iu. (2016). Vsia pravda pro iaponskoe anime, kotoruiu vy ne znali i ne reshali sprositi' [The whole truth about Japanese anime that you didn't know and didn't dare to ask]. *Molodezh' tret'ego tysiacheletia: Sbornik nauchnykh statei, Omsk, 08–30 apreliia 2016goda* [Youth of the third Millennium: Collection of scientific articles, Omsk, 08-30 April 2016] [pp. 306–308]. Omsk: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky Publ. (In Russ).
- Kubasov, A. V., & Mikhailova, O. A. (2021). «Prestuplenie i nakazanie» F. M. Dostoevskogo kak kreolizovannyi tekst (manga Osamy Tedzuki) ["Crime and Punishment" by F. M. Dostoevsky as a creolized text (manga by Osama Tezuki)]. *Kul'tura i tekst* [Culture and text], 4(47), 164–177. (In Russ). <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2021-4-164-177>
- Lapshin, I. I. (1986). Komicheskoe v proizvedeniakh Dostoevskogo [The comic in Dostoevsky's works.]. In Bema A. L. (red.) *O Dostoevskom: Sb. statei* [About Dostoevsky: Collection of articles] [pp. 103–120]. Paris: Amga Editions Publ. (In Russ).
- Magera, Iu. A. (2021). Literaturnaia klassika v iaponskoi mange: komiksy Tedzuka Osamu [Literary Classics in Japanese Manga: Tezuka Osamu comics]. *Vestnik RGGU. Seriiia «Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia»* [Bulletin of the Russian State University. The series "Literary studies. Linguistics. Cultural studies"], 9, 100–115. (In Russ). <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2021-9-100-115>
- Maizel', V. S. (2016). Chaplin: effekt Charli [Chaplin: the Charlie effect]. In Evmenov A. D. (red.). *Aktual'nye voprosy razvitiia industrii kino i televideniia v sovremennoi Rossii: sbornik nauchnykh trudov, posviashchennyi Godu rossiiskogo kino. V 2 chastiakh* [Topical issues of the development of the film and television industry in modern Russia: collection of scientific papers dedicated to the Year of Russian Cinema. In 2 parts] [pp. 57–64]. Sankt-Peterburg: St. Petersburg State Institute of Cinema and Television Publ. (In Russ).
- Martynenko, A. V. (2021). Osobennosti realizatsii vizual'nykh obrazov v anime [Features of the implementation of visual images in anime]. *Sibirskii nauchnyi vestnik* [Sibirsk Scientific Bulletin], 44(2), 86–91. (In Russ).
- Mukhina, S. A. (2011). Komicheskoe nachalo v tvorchestve F. M. Dostoevskogo v otsenke otechestvennogo literaturovedeniia [The comic beginning in the work of F. M. Dostoevsky in the evaluation of Russian literary criticism]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriiia: Russkaia filologiia* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology], 5, 138–143. (In Russ).
- Ponkratova, E. M. (2011). Smekh i komicheskoe v tvorchestve F. M. Dostoevskogo: o nekotorykh osobennostiakh estetiki pisatel'ia [Laughter and the comic in the works of F. M. Dostoevsky: about some features of the writer's aesthetics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 349, 19–22. (In Russ).

- Prokhanov, D. M. (2012). Industriia izdaniia manga [The manga publishing industry]. *Mediaskop* [Mediascope], 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1225> (accessed: 10.02.2023). (In Russ).
- Shipitsyna, A. A. (2013). Negativnaia estetika komicheskogo: osobennosti komicheskogo katarsisa [Negative aesthetics of the comic: features of comic catharsis]. *Vita Cogitans: Al'manakh molodykh filosofov* [Vita Cogitans: An Almanac of Young Philosophers], 8, 46–50. (In Russ).
- Tedzuka, O. (2012). *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and punishment]. Yekaterinburg: Comics Factory Publ. (In Russ).

Author's information

Vanyushkina Olga Evgenievna – Candidate of Philological Sciences, Head of the Monitoring and Indexing Department, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University (41, B. St. Petersburgskaya str., Veliky Novgorod, 173003, Russia), ORCID: 0000-0003-1353-1356, oev_novsu@mail.ru

For citation:

Vanyushkina, O. E. (2023). The comic in the manga by Osamu Tezuka "Crime and punishment" in the light of popular culture. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 2(3), 21-40. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-2\(3\)-21-40](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-2(3)-21-40)